

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА**

На правах рукописи

Исполинов Алексей Станиславович

**Суды региональных интеграционных объединений в
международном правосудии (на примере Суда ЕС и Суда
ЕАЭС)**

Специальность: 12.00.10 – Международное право. Европейское право

**Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
доктора юридических наук**

Москва – 2018

Работа выполнена на кафедре международного права юридического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова».

Официальные оппоненты: **Юмашев Юрий Михайлович**, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права РАН

Соколова Наталья Александровна, доктор юридических наук, профессор, и.о. заведующего кафедрой международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Мезяев Александр Борисович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права, УВО «Университет управления «ТИСБИ»

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации»

Защита состоится «12» октября 2018 г. в 10.00 на заседании диссертационного совета Д 212.081.32 на базе ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет, по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д.18, зал заседания диссертационного совета.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» и на официальном сайте ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (www.kpfu.ru).

Сведения о защите и электронная версия автореферата размещены на официальных сайтах ВАК при Министерстве образования и науки РФ (www.vak.ed.gov.ru) и ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (www.kpfu.ru).

Автореферат разослан « _____ » _____ 2018 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор юридических наук, доцент

Н.Е. Тюрина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуальность диссертационного исследования

Одной из наиболее заметных черт развития современного международного права стал рост числа и влияния международных судов, в первую очередь, судов по правам человека (ЕСПЧ, МАСПЧ, Африканский суд по правам человека и народов), отраслевых судов, таких как Трибунал по морскому праву, и судов региональных интеграционных объединений (Суд Европейского Союза (далее – Суд ЕС), Суд Евразийского Экономического Союза (далее – Суд ЕАЭС), Трибунал Андского Сообщества и другие). До начала 1990-х годов международные суды были довольно редким явлением и практически всегда использовались лишь для разрешения споров между государствами в том случае, если государства соглашались передать этот спор на рассмотрение того или иного суда. С середины 1990-х годов начался лавинообразный рост судов новой формации, которые предусматривали обязательную юрисдикцию (то есть согласие государства на рассмотрение конкретного спора больше уже не требовалось) и прямой доступ частных лиц к этим судам. Именно так появились региональные международные суды по правам человека, международные уголовные суды и трибуналы (Международные трибуналы по бывшей Югославии и по Руанде, а также созданный в 2002 году Международный Уголовный Суд), в области международных экономических отношений появились различные суды интеграционных объединений, из которых самым известным и авторитетным на сегодняшний день является Суд ЕС.

Суды новой формации потеснили как результатами своей активности, так и с точки зрения авторитета, суды классические, например, Международный Суд ООН (далее – МС ООН), который в силу своей ограниченной компетенции оказался не в состоянии конкурировать с новыми судами. Связано это именно с доступом частных лиц, которые оказались гораздо более активны и

восприимчивы к идее защиты своих прав в судах, нежели государства, которые зачастую связаны соображениями политической конъюнктуры. Именно рассмотрение жалоб частных лиц является сегодня основным видом деятельности подавляющего большинства международных судов, споры между государствами составляют незначительную (и постоянно уменьшающуюся) часть дел, рассматриваемых сегодня международными судами.

Как показывает практика международных судов, помимо традиционной функции разрешения споров, государства делегируют судам право контроля актов и решений институтов международных организаций, а также в определенной степени право устранения пробелов и прояснения нечетко сформулированных положений в международных договорах. Кроме этого, на них может быть возложена функция по оценке адекватности и полноты исполнения другими государствами обязательств по международным договорам. Особенно это касается соглашений с большим количеством участников, т.к. в двусторонних договорах осуществлять такой контроль гораздо проще.

Несмотря на отсутствие признания на международно-правовом уровне судебного прецедента и доктрины *stare decisis*, все действующие международные суды оказались перед необходимостью перейти к де-факто прецедентной силе своих решений. Однако суды стремятся не использовать в решениях сам термин «прецедент», чтобы избежать обвинений со стороны государств в нормотворчестве и выходе за пределы своей компетенции. Такая ситуация полностью в интересах государств, которые молчаливо соглашаются с квази-прецедентным характером решений международных судов.

Кроме того, новым явлением для международного права стало появление апелляционной инстанции во многих международных судах и отход от правила об окончательности решений международных судов и арбитражей несмотря на то, что эти обстоятельства привели к увеличению сроков рассмотрения споров и сопутствующих затрат.

Стратегический курс руководства Российской Федерации на формирование Евразийского экономического союза как действительно эффективного и влиятельного интеграционного объединения предполагает большую ответственность Суда Союза. Разрешение споров, связанных с толкованием и применением положений нормативно-правовой базы интеграционного объединения, эффективная защита прав и интересов хозяйствующих субъектов, вынесение консультативных заключений – это важнейшие составляющие евразийской интеграции, а не просто перечисление функций этого Суда. Судебный орган в любом интеграционном объединении выполняет ту же роль, которую в национальном государстве играет конституционный суд, а именно, осуществляет контроль за соответствием учредительному договору актов и решений, принимаемых институтами интеграционного объединения. Можно сказать, что государствами-членами ЕАЭС на Суд Союза возложена задача выстраивания системы евразийского правопорядка.

Любые предложения по совершенствованию процедур разрешения споров в рамках ЕАЭС должны основываться на изучении организации и деятельности как универсальных органов международного правосудия, так и региональных судов, созданных и действующих в рамках региональных интеграционных объединений. Некоторые из них приобрели несомненный авторитет и являются признанными и успешными институтами международного правосудия (Суд ЕС), другие показывают невысокую эффективность (Андский трибунал), даже несмотря на их внешнюю функциональную схожесть с тем же самым Судом ЕС. Это обстоятельство также требует отдельного анализа.

Крайне проблемным вопросом, практически не осмысленным доктриной, является анализ взаимоотношений международных и конституционных судов, особенно в тех интеграционных объединениях, где акты институтов являются обязательными и действуют непосредственно в правопорядках государств-членов. Последние решения Конституционного Суда Российской Федерации

об исполнении ряда решений ЕСПЧ, а также признание Конституционным Судом Российской Федерации за собой права проверять конституционность решений ЕЭК показывают, что это проблема является системной особенностью интеграционных образований, при которой конституционные суды не хотят и не должны быть безмолвными реципиентами решений международных судов, а являются частью системы сдержек и противовесов на уровне интеграционного объединения.

Тесно связанным с проблематикой взаимодействия международных и конституционных судов является крайне актуальный на сегодня вопрос об исполнении решений международных судов. Как показывает практика, неисполнение решения государства рассматривают как ответные меры в отношении суда, к которым можно прибегнуть уже после появления судебных решений. В этом случае исполнение или неисполнения суда можно и нужно рассматривать как непрекращающийся диалог между судом и создавшими его государствами в отношении целого ряда вопросов, делегированных суду, а также как одна из форм контроля за таким делегированием

Степень научной разработанности темы исследования

Среди защищенных за последние годы докторских диссертаций по специальности 12.00.10, посвященных вопросам международного правосудия, особое место занимают работы А.С. Смбатян «Решения органов международного правосудия в укреплении международного правопорядка» (Москва, 2013), и Г.Г. Шинкаревой «Судебные средства разрешения международных споров (тенденции развития)» (Москва, 2010). Вопросам международного правосудия посвящены кандидатские диссертации Д.А. Патрина «Международное судебное разбирательство: история, понятие, функции» (Москва, 2005), И.С. Марусина «Международные судебные учреждения, стороной разбирательства в которых вправе выступать физические лица: новые тенденции развития и совершенствования их деятельности», (Санкт-Петербург, 2008). И.М. Махнборода «Международное процессуальное право и международное судопроизводство: особенности взаимодействия»

(Москва, 2011), И.А. Орловой «Разрешение споров в международном публичном и частном праве: сравнительно-правовой анализ» (Санкт-Петербург, 2007). А.М. Солнцева «Роль международных судебных учреждений в разрешении международных экологических споров» (Москва, 2008).

Различные вопросы взаимодействия региональных и национальных судов в Европе исследовались в диссертациях Р. Гурбанова «Взаимодействие судебных органов на европейском пространстве: вопросы теории и практики» (Москва, 2016), С.Н. Кузнецовой «Взаимодействие Европейского Союза и Совета Европы в области защиты основных прав человека» (Казань, 2005), Ю.М. Орловой «Взаимодействие Суда ЕС с международными и национальными судебными учреждениями» (Казань, 2005). Вопросы наднациональности в международном праве и применительно к Европейскому Союзу рассматривались в докторских диссертациях А.А. Моисеева «Соотношение суверенитета и надгосударственности в современном международном праве (в контексте глобализации)», (Москва, 2007), О.М. Мещеряковой «Наднациональность в праве Европейского Союза и проблема суверенитета» (Москва, 2010), а также в диссертационной работе С. Ершова «Правовые особенности формирования наднациональной власти ЕС в процессе взаимодействия права ЕС и национального права государств-членов» (Москва, 2003).

Общим и специальным вопросам права ЕС посвящены докторские диссертации А.И. Абдуллина «Право интеллектуальной собственности в Европейском Союзе: генезис, унификация, перспективы развития» (Москва, 2006), М.М. Бирюкова «Современное развитие Европейского Союза: международно-правовой подход» (Москва, 2004), А.Я. Капустина «Международно-правовые проблемы природы и действия права Европейского Союза» (Москва, 2002), Ю.М. Юмашева «Внешнеэкономические связи ЕЭС: Правовые аспекты» (Москва, 1989), П. Калиниченко «Правовое регулирование отношений между Россией и Европейским Союзом» (Москва, 2011), Г.Р. Шайхутдиновой «Продвинутое сотрудничество в европейском праве» (Казань,

2007). Вопросам регионального сотрудничества по вопросам труда, в том числе в ЕС и ЕАЭС, посвящена докторская диссертация Р.Ш. Давлетгильдеева «Международно-правовое регулирование труда на региональном уровне» (Казань, 2016).

Различные вопросы деятельности Суда ЕС рассматривались в диссертациях Д.С. Тихоновецкого «Судебная практика как источник Европейского права» (Москва, 2004), М.В. Кривовой «Организация и юрисдикция суда ЕС: теория и практика» (Москва, 2004), К.Ю. Голуба «Решение суда европейских сообществ как источник права ЕС» (Саратов, 2009), Я.П. Андриенко «Роль Суда ЕС в формировании Европейского правового пространства» (Москва, 2004).

Вопросы взаимодействия Суда ЕС и ЕСПЧ исследовались в диссертационных работах О.В. Рябовой «Взаимодействие Суда Европейского союза и Европейского суда по правам человека по делам о защите прав человека после Лиссабонского договора» (Москва, 2016), Н.А. Славкиной «Механизмы судебной защиты прав человека: Опыт Совета Европы и Европейского Союза» (Москва, 2000).

Механизмы разрешения споров в ЕАЭС анализировались в диссертации П. Мысливского «Международно-правовое регулирование создания Евразийского экономического союза и способа разрешения споров» (Москва, 2015).

В части теоретической проработки исследуемых проблем автор диссертации использовал работы ведущих отечественных специалистов по общетеоретическим вопросам международного права – профессоров Л.П.Ануфриевой, К.А.Бекашева, Р.М.Валеева, А.Н.Вылегжанина, Г.М.Даниленко, Б.Л.Зимненко, Г.В.Игнатенко, Р.А.Каламкаряна, Г.И. Курдюкова, Е.Г.Ляхова, И.И.Лукашука, Ю.Н.Малеева, С.Ю.Марочкина, Г.И.Тункина, Н.А.Ушакова, Д.И.Фельдмана, О.Н.Хлестова, С.В.Черниченко,

Тем не менее, значительное количество диссертационных исследований и публикаций, посвященных как общим, так и специальным проблемам

международного правосудия, комплексного исследования региональных судов интеграционных объединений, рассматриваемых именно как отдельная группа международных судов, особенностей их взаимодействия с региональными судами по правам человека и с конституционными судами стран-членов, а также роли исполнения судебных решений в идущем диалоге между государствами и созданными ими судами, не проводилось.

Нормативно-правовая база исследования

Нормативно-правовую базу работы составляют международные договоры, обычные нормы международного права, общепризнанные принципы и нормы международного права. Используются учредительные документы международных судов, а также принятые ими правила процедуры. В работе учтены многосторонние и двусторонние международные соглашения, принятые по различным вопросам деятельности международных судов и трибуналов.

Эмпирическая база диссертации основана на решениях Суда ЕС, Суда ЕврАзЭС и Суда ЕАЭС, а также конституционных судов стран-членов ЕС и ЕАЭС. Кроме этого, при анализе тенденций развития международного правосудия и вопросов исполнения решений международных судов использованы решения других международных универсальных и региональных судов, таких как Постоянная Палата Международного Правосудия, Международный Суд ООН, Орган по разрешению споров ВТО, Европейский Суд по правам человека, Межамериканский Суд по правам человека.

Цели и задачи исследования

Целью настоящего исследования является выявление особенностей деятельности судов региональных интеграционных объединений как особой группы международных судов, созываемых в первую очередь для контроля за нормативными актами общего применения, принимаемыми институтами этих объединений. Сформулированные выводы и научные концепции должны помочь лучшему доктринальному пониманию деятельности судов интеграционных объединений и международных судов в целом, их роли в развитии международного права и укреплению правопорядка интеграционных

объединений, а также выработке предложений по совершенствованию судебных механизмов в рамках ЕАЭС.

Для достижения данной цели автором поставлены следующие **задачи**:

1) исследовать вопросы эволюции и тенденции развития международных судов, закономерности перехода от факультативной юрисдикции к обязательной, а также к различным формам доступа в эти суды частных лиц;

2) выявить квалифицирующие признаки судов региональных интеграционных объединений как отдельной группы международных судов;

3) изучить международный опыт механизмов разрешения споров в международных интеграционных образованиях на примере Европейского союза и ЕАЭС, провести сравнительный анализ этих механизмов;

4) исследовать механизм исполнения решений международных судов и факторы, влияющие на процесс исполнения этих решений;

5) оценить возможности применения правовых механизмов урегулирования споров в различных международных интеграционных образованиях для ЕАЭС;

6) исследовать особенности закономерности взаимодействия международных судов с высшими (конституционными судами), в том числе и взаимодействие судов интеграционных объединений и конституционных судов стран-членов;

7) выработать предложения по совершенствованию механизма урегулирования споров в рамках ЕАЭС.

Методологическая основа исследования

В процессе работы применялись, прежде всего, общенаучные методы исследования: диалектический метод, дедуктивный метод, при котором сначала анализируются общие закономерности того или иного явления, а затем конкретные формы его проявления, и также метод индукции, при котором анализ конкретных проблем позволяет проследить некие обобщенные закономерности происхождения и динамики развития более общих процессов.

Кроме того, в процессе работы применялся метод системного анализа. Это позволило комплексно изучить юридические, экономические, социальные и иные факторы, воздействующие на процессы формирования тех или иных правовых отношений при оценке деятельности международных судов. В целом системность методологии связывается также с тем, что проводимые исследования тесно увязываются с практикой, облекаются в форму инструментария, позволяющего познать реальные процессы и явления.

Системный подход в рамках данного исследования дополняется функциональным подходом. Применение последнего обусловлено необходимостью определения объема и структуры полномочий судов интеграционных объединений при осуществлении ими судопроизводства, а также их взаимоотношений как с институтами интеграционных объединений, так и национальными судами стран – членов таких объединений.

В процессе исследования применяется и сравнительный метод, оценка практики деятельности других международных судов и трибуналов. Особое значение принадлежит методу юридического анализа, позволяющему выявить закономерности и тенденции развития нормативно-правовой базы судов региональных интеграционных объединений.

Теоретическая основа исследования. Теоретическую основу диссертации составили труды отечественных ученых – специалистов в области международного права и международного правосудия – Ануфриевой Л.П., Абашидзе А.Х., Абдуллина А.И., Вельяминова Г.М., Вылегжанина А.Н., Давлетгильдеева Р.Ш., Каламкаряна Р.А., Капустина А.Я., Кембаева Ж.М., Ковалева А.А., Нешатаевой Т.Н, Смбатян А.С., Соколовой Н.А., Толстых В.Л., Г.Р. Шайхутдиновой Г.Р., Шинкарецкой Г.Г., Федорова И.В., Энтина М.Л., Энтина К.В., Юмашева Ю.М. Также использовались работы таких зарубежных ученых, как: Э. Арнулл, К. Бауденбахер, Ч. Романо, Э. де Ветт, Р. Маккензи, Ю. Шайни, Дж. Комарек, Э. Стейн, Л. Хефнер, А.-М. Слотер и других.

Научная новизна работы заключается в следующем:

1) определены причины и стадии перехода государств от арбитражной модели рассмотрения споров к судебной, а также от факультативной юрисдикции международных судов к обязательной;

2) доказано, что помимо функции по разрешению споров государства возлагают (делегируют) на международные суды целый ряд новых функций, которые суды осуществляют более эффективно;

3) предлагается концептуально рассматривать основным признаком интеграционных объединений передачу государствами на уровень институтов объединения полномочий по принятию нормативных актов общего применения, непосредственно регулирующих правоотношения в государствах-членах объединения и применяемых субъектами национального права, а также национальными судами при разрешении споров;

4) показано, что создание постоянно действующего суда в рамках интеграционных объединений обусловлено необходимостью контроля за правомерностью нормативных актов, принимаемых институтами интеграционных объединений;

5) сформулирован тезис о том, что суды интеграционных объединений представляют собой особую группу международных судов, при этом, особенность этой группы заключается в компетенции, которая есть только у них – право судебного контроля над актами общего применения, принимаемыми институтами интеграционных объединений;

6) впервые в отечественной науке исследованы вопросы исполнения государствами решений международных судов; выдвинута концепция, согласно которой неисполнение решения относится к ответным индивидуальным мерам, принимаемым государствами уже после появления судебных решений;

7) показано, что проблема повышения уровня исполнения решения международных судов не может быть решена лишь за счет введения более жестких санкций за такое неисполнение; как показывает практика исполнения ведущих международных судов, государства при создании судов чаще всего предусматривают дипломатические методы разрешения ситуаций

неисполнения решений судов, а не принуждение, именно поэтому введение международным договором санкций за неисполнение судебных решений может в конечном итоге оказаться контрпродуктивным, спровоцировав государства на выход из этого международного договора или став решающим аргументом для третьих государств не присоединяться к этому договору;

8) впервые проведен анализ взаимоотношений международных и конституционных судов и предложена концепция их взаимодействия;

9) впервые в отечественной науке проведен анализ позиции и аргументов Заключения Суда №2/13 о невозможности присоединения ЕС к Европейской Конвенции о правах человека, а также позиций Суда ЕС и ЕСПЧ по отношению друг к другу после Заключения;

10) проведена доктринальная оценка компетенции Суда ЕАЭС, исходя из концепции делегирования государствами-членами Союза части своих полномочий созданному суду.

Положения, выносимые на защиту

Проведенное исследование позволяет вынести на защиту следующие положения, обладающие новизной:

1. Постоянно действующие международные суды с обязательной юрисдикцией имеют свои преимущества перед арбитражами ad hoc и судами с факультативной юрисдикцией, такими как Постоянная палата международного правосудия и Международный суд ООН. Увеличение числа и качественное изменение юрисдикции международных судов вызвано желанием государств делегировать этим судам иные функции, кроме традиционной для судов функции рассмотрения споров, такие как право контроля за исполнением государствами своих обязательств по договору (установление фактов нарушения), право контроля актов и решений институтов международных организаций, а также в определенной степени право устранения пробелов и прояснения нечетко сформулированных положений в международных договорах.

2. В отсутствие мировой законодательной и исполнительной власти в современном международном праве возможен только ситуационный путь появления международных судов, мало предсказуемый как по времени создания и географическому списку участников, так и по объему юрисдикции. На практике конкретный международный суд создается только тогда, когда для создающих его государств баланс тех выгод и преимуществ, которые они получают от его создания, перевешивает те ограничения, которые появляются после создания этого суда. При этом специфической чертой судов региональных интеграционных объединений как особой группы международных судов является то, что при создании интеграционного объединения как правило предусматривается и создание суда.

3. На сегодняшний день представляются иллюзорными предложения или инициативы выстроить централизованную систему международных судов, аналогичную национальной судебной системе, либо хотя бы некое подобие судебной иерархии среди международных судов во главе с МС ООН (наделив его правом выступать апелляционной инстанцией в отношении других международных судов, а также правом выдавать консультативные и преюдициальные заключения на их запросы). Дело даже не том, что для этого требуется внести изменения не только в Устав ООН (что само по себе затруднительно), а также во все международные соглашения, которые предусматривают создание того или иного международного суда (например, в Европейскую конвенцию по правам человека 1950 г.). Главное препятствие состоит в том, что на сегодня статус-кво в отношении юрисдикции и объема полномочий МС ООН полностью устраивает государства, в первую очередь, постоянных членов Совета Безопасности ООН. Кроме того, как показывает практика региональных судов экономической интеграции, эти суды, в первую очередь, Суд ЕС, стараются с разной степенью успешности выстроить свои собственные правовые порядки, в которых обеспечивается их исключительная компетенция по толкованию учредительных договоров этих объединений.

4. Новым явлением для международного права стало появление апелляционной инстанции во многих международных судах и отход от правила об окончательности решений международных судов и арбитражей несмотря на то, что эти обстоятельства привели к увеличению сроков рассмотрения споров и сопутствующих затрат. В сегодняшних условиях решение международного суда может быть отменено, пересмотрено или признано не подлежащим исполнению, что говорит о том, что принцип *res judicata* в международном праве уже не является абсолютным. Распространение международных судов и рост числа выносимых ими решений резко повысили как вероятность ошибок со стороны судей по вопросам факта или права при разрешении спора, так и риски появления неприемлемого для государств волюнтаризма со стороны судей по вопросам своей юрисдикции и по вопросам толкования и применения норм материального права. Возможность апелляционного обжалования решений международных судов и рассматривается государствами в первую очередь как дополнительная гарантия от ошибок или своеволия судей. Несмотря на то, что первоначально судебная система в ЕС была однозвенной, переход к двухзвенной системе доказал свою эффективность, и сейчас документы о создании региональных интеграционных объединений как правило предусматривают возможность апелляционного обжалования вынесенных решений.

5. Отличительной особенностью региональных интеграционных объединений, таких как ЕС и ЕАЭС, является передача государствами-членами своих властных полномочий на уровень институтов этих объединений, в том числе, и в части принятия общеобязательных нормативных актов, регулирующих соответствующие правоотношения между всеми субъектами внутреннего права стран-членов такого объединения и применяемые при разрешении споров национальными судами. Именно эта особенность интеграционных объединений и отличает их от других форм межгосударственного экономического и политического сотрудничества, таких как зоны свободной торговли (НАФТА, КАФТА, МЕРКОСУР), а также ВТО,

Совет Европы, СНГ. Объем и характер передаваемых государствами в рамках интеграционных объединений полномочий заставляет их задуматься о создании эффективного контроля над правомерностью нормативных актов, принимаемых институтами интеграционных объединений. Оптимальным решением является создание в структуре органов такого межгосударственного объединения постоянно действующего суда, основной задачей которого и будет являться осуществление такого контроля.

6. Суды интеграционных объединений, в том числе Суд ЕС и Суд ЕАЭС, представляют собой особую группу международных судов, и основным критерием, который выделяет их среди международных судов, является наличие свойственной только судам интеграционных объединений компетенции осуществлять судебный контроль над принимаемыми институтами интеграционных объединений нормативными актами общего характера, подлежащими применению в национальных правовых порядках государств-членов всеми субъектами права и национальными судами. Опыт Европейского Союза, воспринимаемый как некий эталон при создании региональной организации экономической интеграции, показывает, что основной задачей такого суда будет осуществление такого контроля. Как правило, в ходе процедуры оспаривания таких актов суд имеет право их аннулировать, выступая, таким образом, в роли «негативного законодателя».

7. В настоящее время меняется отношение к конкуренции юрисдикций международных судов и на место настороженного отношения к этим явлениям со стороны государств и представителей научного сообщества приходит понимание, что эту конкуренцию можно и нужно поощрять. Уже сейчас международные суды действуют в условиях очень жесткой конкуренции, и государства будут стремиться ее только поощрять, несмотря на то, что при таком подходе возможен риск различных интерпретаций одних и тех же норм международного права. Конфликт юрисдикций означает конкуренцию судов, отличающихся по полномочиям, опыту, известности, успеху и авторитету. Такая конкуренция судов является частью механизма

сдержек и противовесов, который стихийно складывается сейчас на международном уровне.

8. Надежды на позитивную и системообразующую силу диалога между международными судами в виде взаимного цитирования (cross-referencing) и взаимного обогащения (cross-fertilization) через заимствования правовых концепций и доктрин на основе общих нормативных ценностей (верховенство права, демократия, права человека), разделяемых глобальным сообществом судов оказались во многом иллюзорными. Концептуально и фактически неверно называть цитирование одними судами решений других судов диалогом или сложившейся традицией, т.к. на самом деле в абсолютном большинстве случаев это одностороннее цитирование региональными, малоизвестными или только что созданными судами решений наиболее известных и авторитетных судов, и не в целях обмена мнениями, а преимущественно для усиления легитимности своих решений в глазах их адресатов. Однако в подавляющем большинстве цитирование международными судами решений других судов носит односторонний и хаотичный характер и не может служить объективным показателем для оценки качества и авторитетности решений того или иного суда. В тех случаях, когда суды решают сослаться на опыт своих коллег из других судов, они это делают в первую очередь для повышения легитимности, авторитетности и исполнимости своего решения в глазах его основных адресатов, которыми являются создавшие этот суд государства. Таким образом, основным драйвером цитирования становятся причины инструментально-прагматичного характера, а не наличие неких общих ценностей и приверженности им судей.

9. В ситуации, когда отсутствуют мировой законодатель и централизованный аппарат принуждения, государства, создавая международные суды, самостоятельно устанавливают, как и в какой степени будут исполняться судебные решения, и что будет в том случае, если государство откажется исполнять решение. Поэтому в международном правосудии речь может идти не об абсолютном, а о минимально приемлемом

для государств-участников уровне исполнения решений конкретного суда, при этом необходимо учитывать, что для различных судов этот уровень никогда не будет одинаков. Если доля неисполненных решений будет превышать приемлемый уровень, это будет означать, что суд не в состоянии эффективно исполнять делегированные ему функции, и, скорее всего, либо окажется в маргинальном положении, либо деятельность суда будет прекращена.

10. Опыт судов интеграционных объединений Латинской Америки и Африки наглядно показывает, что даже если организации выбрали для себя модель Суда ЕС при создании собственных судов, социальные, политические, экономические и правовые факторы могут привести к различным результатам эффективности этих судебных механизмов. Успешность конкретного суда зависит от различных факторов, среди которых в первую очередь необходимо отметить готовность государств и их национальных судов работать с международным судом, позицию самого суда, ее реалистичность, прагматичность, аргументированность, оценку последствий того или иного решения.

11. Как показывает практика региональных интеграционных объединений, государства не идут на нормативное закрепление приоритета права интеграционного объединения в учредительных договорах, фактически предоставляя право решать эти вопросы создаваемому суду. Однако усилия суда любого интеграционного объединения в этом направлении будут зависеть не только от убедительности и качества его аргументации, но и от желания и готовности национальных судов стран-членов следовать его решениям при рассмотрении конкретных дел. Недавние решения Суда ЕАЭС показывают, что Суд уже не только осознал принципиальную важность этой проблемы, но и начал выстраивать свою доктрину приоритета права ЕАЭС, перейдя к этапу оттачивания аргументации, а также популяризации и продвижения этой доктрины, в первую очередь, среди судей национальных судов стран-членов ЕАЭС.

12. Неисполнение решений международных судов, в том числе, и решений судов интеграционных объединений, относится к мерам контроля за судом со стороны создавших его государств, которые принимаются уже после появления этих решений. В этом случае исполнение или неисполнение решения суда можно и нужно рассматривать как непрекращающийся диалог между судом и создавшими его государствами в отношении целого ряда вопросов, делегированных суду.

13. Анализ практики взаимоотношений Суда ЕС и национальных конституционных судов позволяет сделать общий вывод о том, что международное правосудие (в данном случае, в лице Суда ЕС) и конституционное правосудие по своей сути конфликтны по отношению друг к другу. В силу различных целей и самой природы международных судов и конституционных судов эти конфликты можно лишь стараться минимизировать, но конкуренции избежать не удастся. Суд ЕС исходит из того, что Европейский Союз является своего рода квази-федерацией в развитии, где независимым конституционным судам отводится все меньше и меньше места, а сам Суд ЕС все больше и активнее претендует на роль Верховного Суда ЕС. Для конституционных судов Европейский Союз является в первую очередь союзом 28 суверенных государств. Сегодняшняя практика Суда ЕС, которая исходит из доктрины абсолютного приоритета права ЕС, в принципе исключает признание особенностей конституционного правосудия и не проводит различия между конституционными и обычными национальными судами.

14. Объяснения выявленной тенденции конституционных судов стран-членов ЕС и ЕАЭС устанавливать некие пределы и условия для приоритета права интеграционного объединения, а также заявлять о своих полномочиях по контролю за нормативными актами этих объединений, не могут быть сведены лишь к опасениям за свои полномочия. Выбранная конституционными судами позиция внешнего контроля над актами интеграционных объединений на национальном уровне логично вытекает из самой цели конституционного правосудия, а именно, предотвращения узурпации власти каким-либо из

органов, будь то парламент, президент или международный суд. На сегодняшний день такое взаимодействие и взаимный контроль международных и конституционных судов, их конкуренция за внимание и лояльность нижестоящих национальных судов не только благотворно влияет на укрепление стандартов защиты прав человека на уровне интеграционных объединений, но и на легитимность и динамику развития правопорядка таких объединений в целом.

15. Трудный и постепенный процесс судебной федерализации ЕС подразумевает если не исключение, то минимизацию вмешательства в этот процесс ЕСПЧ, который по-прежнему мыслит и действует в международно-правовой парадигме, рассматривая интеграционные объединения ЕС и ЕАЭС как сумму государств, каждое из которых продолжает нести полную ответственность за соблюдение Конвенции. Со своей стороны, суды интеграционных объединений все больше рассматривают свои объединения как своего рода квази-федерацию в развитии. В этом отношении отрицательное Заключение Суда ЕС по поводу присоединения ЕС к Европейской Конвенции по правам человека становится вполне понятным и объяснимым. В весьма категоричных выражениях отказавшись признать правомерность Проекта с точки зрения права ЕС, Суд ЕС в конечном итоге сделал бессмысленными дальнейшие переговоры о присоединении ЕС к Конвенции, а само присоединение невозможным (по крайней мере, в краткосрочной перспективе).

Теоретическая значимость исследования

Теоретическая значимость исследования состоит в обосновании положений, раскрывающих принципиально новые характеристики судов региональных интеграционных объединений, из взаимодействия с национальными судами стран-членов членов таких объединений, а также вопросы исполнения их решений, принимая во внимание особенности правопорядка таких интеграционных объединений, и роль судов в их укреплении. Теоретические выводы и предложения, содержащиеся в

диссертации, могут стать основой для дальнейшей научно-исследовательской работы в рассматриваемой области.

Практическая значимость исследования

Предложения по совершенствованию механизма урегулирования споров в Евразийском экономическом союзе содержат предложения по корректировке нормативной правовой базы, определяющей механизм урегулирования споров в Евразийском экономическом союзе с соответствующими обоснованиями. Практические рекомендации относительно деятельности Суда ЕАЭС будут способствовать укреплению позиций Суда в евразийском правовом порядке, повышению его международного авторитета, что отвечает курсу на успешность евразийских интеграционных процессов. Научные результаты диссертационного исследования могут быть переданы государствам – членам ЕЭАС, высшим (конституционным) судам, Суду ЕЭАС для использования с целью совершенствования научной базы принятия решений в отношении судебных и досудебных споров на уровне Союза, внесения изменений в международные договоры, составляющие нормативную базу Союза, включая изменения в Статут Суда Союза.

Достоверность и апробация результатов исследования. Диссертация подготовлена, обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры международного права юридического факультета Московского Государственного Университета имени М.В. Ломоносова. Основные положения диссертации нашли отражение в монографии автора диссертации, в подготовленных автором главах в трех коллективных монографиях, а также в 33 публикациях автора по теме диссертации. в том числе в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

Многие положения исследования использовались диссертантом во время работы в рамках НИР для **официального использования Евразийской экономической комиссией** по теме «**Анализ международного опыта и подготовка предложений по совершенствованию механизма**

урегулирования споров, включая развитие процедур досудебного урегулирования в Евразийском экономическом союзе»

Результаты научного исследования излагались автором в *докладах на следующих конференциях:*

Доклад «Принципы международного права в практике международных судов», 2018 г. (61-ое Ежегодное Собрание Российской Ассоциации международного права на тему: «Глобальные вызовы современности и повышение эффективности международного права»), доклад «Правопорядок ЕАЭС и его особенности / The legal order of the EAEU and its features», 2017 г. (конференция КФУ «Региональные аспекты интеграции: Европейский Союз и Евразийское пространство»), доклад «Сотрудничество и конкуренция международных судов», 2017 г. (Ежегодная Международная научно-практическая конференция МГУ им М.В. Ломоносова и МГЮА тм. О.Е. Кутафина «Современное российское право: взаимодействие науки, нормотворчества и практики»), доклад «Эволюция и пути развития международного правосудия», 2017 г. (60-е ежегодное собрание Российской Ассоциации международного права "Становление и развитие современного международного права"), доклад «Общее и особенное международного и интеграционного правосудия», 2017 г., МГИМО (конференция «Национальное, наднациональное, трансрегиональное и международное право в эпоху разнонаправленных интеграционных процессов»), доклад «Евразийское правосудие: мифы и иллюзии», 2017 г., РУДН (XV Международный конгресс «Блищенковские чтения»), доклад «Суд ЕС и развитие доктрины международного правосудия», 2016 г., МГУ (Международная научно-практическая конференция "Тункинские чтения" на тему "Право и практика региональных судов"), доклад «Взаимодействие региональных интеграционных судов и конституционных судов», 2018 г., РУДН (XV Международный конгресс «Блищенковские чтения»), доклад «Принципы международного права в практике международных судов», 2018 г. (61-ое Ежегодное Собрание

Российской Ассоциации международного права на тему: «Глобальные вызовы современности и повышение эффективности международного права»).

Материалы диссертации используются автором при чтении лекций по международному публичному праву, праву ЕС и праву и институтам ЕАЭС в Московском Государственном Университете имени М.В. Ломоносова.

Структура и объем диссертации predeterminedены логической последовательностью изложения материала в соответствии с целями и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографии. Объем диссертационного исследования составляет 346 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении аргументируются актуальность темы диссертационного исследования, указываются объект и предмет исследования, определяются цели и задачи работы, обосновываются степень разработанности темы и научная новизна исследования, определяются задачи и цели исследования, предоставляется характеристика методологических основ работы, указывается нормативно-правовая и эмпирическая база исследования, формулируются главные положения, которые выносятся на защиту, обосновывается теоретическая практическая значимость основных научных результатов.

Глава 1 «Эволюция международного правосудия и вклад международных судов в развитие международного права» состоит из трех параграфов, первый из которых включает в себя 4 подпараграфа.

В первом параграфе «Эволюция и пути развития современного международного правосудия» автор рассматривает очень важное и во многом определяющее для международного права конца XX и начала XXI веков явление как пролиферацию (распространение) международных судов, что включает в себя не только резкое увеличение их численности, но и наделение этих судов новыми для них функциями, а также переход от факультативной юрисдикции международных судов к обязательной и предоставление многим судам рассматривать жалобы частных заявителей, а не только государств.

Автор начинает с указания на то, что несмотря на некую терминологическую неопределенность в научной литературе, когда ряд авторов использует термины «суды» и «трибуналы» как взаимозаменяемые, другие говорят о международных судебных учреждениях или об органах международного правосудия, в диссертационном исследовании будет рассматриваться эволюция именно международных судов, которые для этого будут выделены в отдельную группу, отличную от арбитражей и многочисленных квази-судебных учреждений. Автор обращает внимание на то, что в доктрине уже сложился определенный консенсус в отношении

классифицирующих признаков, общих для международных судов, позволяющих выделить их в особую группу: (а) это постоянно действующие судебные органы, созданные до появления рассматриваемого ими спора, (б) они созданы на основании международных договоров или иных международно-правовых документов, (в) действуют на основании утвержденных заранее правил процедуры, (г) дела в них разрешаются специально назначенными на длительный срок независимыми и профессиональными судьями, (д) эти суды применяют при рассмотрении дел нормы международного права (права своего межгосударственного объединения), а не нормы национального права, и (е) их решения обязательны для сторон спора, как минимум одной из которых должно быть государство или международная организация.

Весьма богатый эмпирический материал в виде практики деятельности и решений международных судов позволяет обобщить итоги развития международных судов за последнюю четверть века, а также выявлены некоторые тенденции развития, общие для международных судов.

То обстоятельство, что на сегодня подавляющее большинство международных судов имеют обязательную юрисдикцию и производство по делу зачастую инициируется только одной стороной спора, можно объяснить тем, что государства увидели и осознали, что постоянно действующие международные суды с обязательной юрисдикцией имеют свои преимущества перед арбитражами *ad hoc* и такими судами как ППМП и МС ООН, и могут оказаться очень полезными для государств. Таким судам можно делегировать не только традиционную функцию по разрешению споров, где сам постоянный характер деятельности суда с избранными на длительный срок судьями обеспечивал целостность и предсказуемость практики рассмотрения споров, создавая столь необходимую правовую определенность. Влиятельная на сегодня концепция, пришедшая в международное право из теории международных отношений, исходит из того, что государства, создавая суды, выступают в качестве доверителей (*principals*), делегируя судам (агентам) некоторые функции, которые эффективнее реализуются именно судами, а не

группой государств. Помимо функции разрешения споров государства делегируют судам право контроля за исполнением государствами своих обязательств по договору (установление фактов нарушения), право контроля актов и решений институтов международных организаций, а также в определенной степени право устранения пробелов и прояснения нечетко сформулированных положений в международных договорах.

Рассматривая некоторые итоги процесса распространения международных судов, автор отмечает, что одним из главных итогов процесса распространения международных судов стало то, что почти все сделанные в 1990-х и в начале 2000-х годов прогнозы не оправдались. Во-первых, общая картина далека от идиллии, ни о каком глобальном сообществе судов, равно как и об угасании роли государств и их суверенитета говорить сегодня не приходится. Суды и государства показывают очевидную сдержанность и стараются не допускать очевидного злоупотребления и столкновения судебных амбиций и решений. Случаи конфликтов судов носят единичный характер. Во-вторых, именно рассмотрение жалоб частных лиц является на сегодняшний день основным видом деятельности подавляющего большинства международных судов, в то время как споры между государствами составляют незначительную (и постоянно уменьшающуюся) часть дел, рассматриваемых сегодня международными судами. В-третьих, активность международных судов по-прежнему остается в значительной степени европейским феноменом, т.к. 96% всех решений международных судов по жалобам частных лиц было вынесено европейскими судами. В-четвертых, новым явлением для международного права стало появление апелляционной инстанции во многих международных судах и отход от правила о финальности решений международных судов и арбитражей. На сегодня принцип *res judicata* в международном праве уже не является абсолютным, и решение международного суда может быть отменено, пересмотрено или признано не подлежащим исполнению. В-пятых, все действующие международные суды оказались перед необходимостью перейти к де-факто прецедентной силе своих

решений. Однако, оберегая свою легитимность, они стремятся не использовать в решениях сам термин «прецедент», чтобы избежать обвинений со стороны государств в нормотворчестве и выходе за пределы своей компетенции. Такая ситуация полностью в интересах государств, которые молчаливо признают и роль прецедента, и нормотворчество международных судов, но не желают заявлять об этом официально. В-шестых, не оправдались ожидания в успехе переноса моделей успешных европейских судов (ЕСПЧ и особенно Суда ЕС) в другие регионы мира. Очевидный на сегодня парадокс состоит в том, что даже полное заимствование структуры и того же Суда ЕС не означает автоматического успеха суда того или иного интеграционного объединения. Значительная часть таких судов не играет заметной роли в региональной интеграции, и по сути оттеснены на обочину. В-седьмых, оказались во многом иллюзорными надежды на позитивную и системообразующую силу диалога между международными судами в виде взаимного цитирования (cross-referencing) и взаимного обогащения (cross-fertilization) через заимствования правовых концепций и доктрин на основе общих нормативных ценностей (верховенство права, демократия, права человека), разделяемых глобальным сообществом судов. Цифры и факты говорят о том, что глобальное сообщество судей так и не появилось (если только этот термин не применять к простой совокупности всех международных судов и их судей). С позиции сегодняшнего дня концептуально и фактически неверно называть цитирование одними судами решений других судов диалогом или сложившейся традицией, т.к. на самом деле в абсолютном большинстве случаев это одностороннее цитирование региональными, малоизвестными или только что созданными судами решений наиболее известных и авторитетных судов, и не в целях обмена мнениями, а преимущественно для усиления легитимности своих решений в глазах их адресатов. При этом еще один парадокс современного международного правосудия состоит в том, что дело не в качестве решений - успешные и авторитетные суды также стараются избегать какого-либо цитирования друг друга. В-восьмых, деятельность почти всех международных судов самым

радикальным образом отличается от намерений и ожиданий государств на момент их создания. Тот же МС ООН так и не стал главным международным судебным органом. В свою очередь ЕСПЧ первоначально планировался лишь как суд для рассмотрения межгосударственных споров, а не жалоб частных лиц, да и то при условии отдельного признания государствами его юрисдикции. Общая картина несоответствия ожиданий государств и динамики смены их приоритетов и предпочтений при создании международных судов будет явно неполной без внушительного списка из более 20 судов, которые по разным причинам так и не начали свою работу.

В заключительном подпараграфе параграфа 1 рассматриваются различные формы ответной реакции государств на решения международных судов и отмечается, что не менее важным итогом процесса распространения международных судов стала смена приоритетов государств при оценке рисков, связанных с судами. Высокая креативность ряда международных судов по расширительному толкованию договоров, выстраивание судами системы своих собственных прецедентов, так же, как и нежелание некоторых судов принимать во внимание намерения государств на момент заключения договора, вызвали настороженность и ответную реакцию государств. Полученный государствами урок состоит в том, что их возможности повлиять на любой международный суд максимальны при создании ими суда, а также в самом начале его деятельности, и постепенно убывают с ростом числа государств-участников и авторитета самого суда. При этом полагаться лишь на внутренние самоограничения судей суда государства считают явно недостаточным (если не наивным) способом минимизации возможных рисков. Государства, принимая решение о создании суда, стремятся в той или иной степени проработать как основные положения учредительных документов суда в части юрисдикции, структуры и порядка формирования, так и механизм возможного пересмотра этих документов, включая сужение юрисдикции суда или даже прекращение его деятельности суда, а также выхода государства из договора,

предусматривающий обязательную юрисдикцию суда или отказа исполнять решение суда.

В качестве выводов к параграфу 1 автор указывает, что, во-первых, в отсутствие мировой законодательной и исполнительной власти мы всегда будем иметь дело с децентрализованным и неорганизованным международным правосудием, которое для любого специалиста по национальному праву будет всегда казаться хаосом. В современном международном праве возможен именно такой фрагментарный путь появления международных судов, и мало предсказуемый как по времени создания и географическому списку участников, так и по объему юрисдикции. Во-вторых, на сегодня представляются более чем иллюзорными любые предложения или инициативы выстроить централизованную систему международных судов, аналогичную национальной судебной системе, либо хотя бы некое подобие судебной иерархии среди международных судов во главе с МС ООН (наделив его правом выступать апелляционной инстанцией в отношении других международных судов, а также правом выдавать консультативные и преюдициальные заключения на их запросы). В-третьих, государства осознали, что постоянно действующие международные суды с обязательной юрисдикцией имеют свои преимущества перед арбитражами *ad hoc* и такими судами как ППМП и МС ООН и могут оказаться очень полезными. В-четвертых, на практике конкретный международный суд создается только тогда, когда для создающих его государств баланс тех выгод и преимуществ, которые они получают от его создания, перевешивает (как им кажется) те минусы и ограничения, которые появляются после создания этого суда. В реальности решение о создании международного суда более достижимо на региональном уровне, чем на универсальном. В-пятых, произвольный и нескоординированный характер процесса создания международных судов, неожиданная для государств эволюция созданных ими судов с течением времени, равно как и количество и география так и не начавших свою работу судов показывает, что процесс создания судов не поддается формализации и в каждом конкретном случае

государства действуют путём проб и ошибок. В-шестых, среди государств и в научной литературе меняется отношение к конкуренции юрисдикций и к «форум шоппину», и на смену насторожённости приходит понимание, что эту конкуренцию можно и нужно поощрять. При таком подходе всем очевиден риск интерпретационной «какофонии». Однако, как показывает современная практика государств, они готовы смириться с этим риском и даже намерены извлечь из этого пользу для себя. В чем может заключаться положительный эффект от этого состояния международного правосудия? Конфликт юрисдикций означает конкуренцию судов, отличающихся по полномочиям, опыту, известности, успеху и авторитету. Даже простое осознание факта наличия такой конкуренции заставляет суды совсем по-другому относиться к тем решениям, которые они выносят. Это означает, что конкуренцию судов можно рассматривать как часть механизма сдержек и противовесов, который стихийно складывается сейчас на международном уровне.

В параграфе 2 рассматриваются вопросы роли и значения судебного прецедента в международном праве. Отмечается, что с одной стороны, превалирует точка зрения о том, что доктрина прецедента не получила в международном праве того признания, которое есть в англосаксонской системе права. Это мнение основывается на ст. 38 Статута Международного суда ООН, которая канонично воспринимается юристами-международниками как перечень источников международного права. В соответствии с ней судебные решения должны использоваться лишь как вспомогательные средства для определения правовых норм. С другой стороны, становится все сложнее не замечать, что современные международные суды не только применяют и толкуют право, но и создают новые нормы права, а судебное правотворчество представляется как некая побочная функция судебной деятельности. При этом наше восприятие роли прецедента основано во многом на не вполне корректном понимании современной эволюции континентальной и англосаксонской систем права в этих вопросах, которые именно в этом вопросе сближаются друг к другу.

Отмечается, что проблема наличия прецедентной силы предыдущих судебных решений рассматривается в нескольких аспектах. Во-первых, с точки зрения обязательности для самого суда вынесенных им ранее решений; во-вторых, в практике тех международных судов, где есть апелляционная инстанция (Трибуналы по Югославии и по Руанде, ОРС ВТО, ЕСПЧ, Суд ЕС) или надзорное производство (Суд ЕС), поднимается вопрос о нормативности решений апелляционной или надзорной инстанции для нижестоящих судов (так называемый вертикальный прецедент). В-третьих, вопрос о прецедентной силе решений международных судов для всех иных международных судебных учреждений (так называемый горизонтальный прецедент). Говоря о горизонтальном прецеденте, т. е. об обязательности для международных судов решений других органов международного правосудия, необходимо отметить, что на сегодня такая точка зрения не получила ни доктринального признания, ни закрепления в международном праве. Конечно, международные суды интересуются практикой друг друга. Но с каждым годом делать это все труднее, поскольку на сегодня действующими международными судами вынесено уже более 20 000 различных решений. В результате происходит «дарвиновский отбор» судебных решений для целей их использования другими международными судами. Дальнейшая жизнь решения за пределами конкретного спора зависит от многих факторов, в том числе от того, кем оно вынесено. Понятно, что решение Международного суда ООН будет более авторитетным, чем, например, решение только что созданного регионального экономического суда. Также многое зависит от убедительности аргументов и от языка, на котором написан текст. К сожалению, реальность такова, что решения международных судов на русском языке вряд ли будут пользоваться популярностью у других судов в отсутствие аутентичного перевода.

Двойственная ситуация с признанием роли прецедента в международном праве устраивает государства, которые молчаливо признают и роль прецедента, и нормотворчество международных судов, но не хотят заявлять об этом официально. Признание в международном праве прецедента де-юре влекло бы

отказ от принципа согласия государств на обязательность для них правовой нормы. Государства уже осознали, что международные суды могут своими решениями не только подправлять неудачные положения договора, заполнять пробелы и устранять неясности, но и модернизировать нормы договора, даже если для этого потребуется отойти от первоначального текста договора. Как показывает практика многих судов, такая ситуация вполне устраивает государства, которые понимают все издержки, связанные с внесением поправок в договор и предпочитают делегировать эту миссию созданным ими судам. При этом отсутствие официального признания роли прецедента позволяет тем же государствам оставить последнее слово за собой, ставя под сомнение при необходимости любое решение международного суда и отказывая ему в легитимности.

В параграфе 3 рассматривается такое явление как судебный активизм в современном международном праве. Вначале дается общая характеристика термина «судебный активизм», объясняется его происхождение и показывается, что судебное нормотворчество является лишь одной из сторон судебного активизма. Под термином «судебный активизм» имеется в виду целая доктрина отправления правосудия, пришедшая в европейские и международные суды из США. Доктрина судебного активизма исходит, в том числе, из политической роли судей, которые должны вмешиваться тогда, когда представительная власть (пусть даже законно избранная населением) либо не действует, когда это необходимо, либо принимает законы, которые нарушают основополагающие конституционные ценности. Автор склонен поддержать мнение тех исследователей, которые выделяют семь признаков активизма: (1) контрмэжоритарность, когда суды отменяют решения, принятые избранными народом представителями; (2) отказ судов строго следовать формулировкам законов или намерениям законодателя; (3) отказ судов следовать сложившимся прецедентам; (4) отказ судов следовать установленным пределам своей юрисдикции; (5) создание новых доктрин и прав; (6) использование судебной

власти для установления новых обязательств для других ветвей; (7) использование судебной власти для продвижения своих интересов.

Сегодня наиболее часто используются следующие аргументы против активизма:

а) нежелание судов считаться с мнением избранной народом законодательной власти, когда суды отменяют законодательные акты. Критикам судебного активизма противостоят исследователи, которые считают активизм судов неизбежным и даже необходимым свойством любой демократической системы.

б) отсутствие у судей должной компетенции, знаний, кругозора и опыта, необходимых при разработке проектов законодательных актов или принятии управленческих решений, которые есть у законодательной и исполнительной власти. Этот аргумент обычно используется в случаях судебного нормотворчества, когда суды создают нормы права, выступая своего рода «законодателями в судейских мантиях». Критикам такого проявления судебного активизма возражают авторы, считающие, что судебное нормотворчество не только неизбежно, но и даже желательно, приводя примеры того, как судебным решением создается норма, которая затем прочно входит в повседневную жизнь.

Под судебным активизмом в международном праве понимаются случаи, когда международные суды выходят в своих решениях за пределы формулировок международных договоров, определяющих сферы действия и намерения государств. При этом дискуссия о судебном активизме международных судов в основном концентрирует внимание на их нормотворчестве и интерпретационной креативности, которая не предусматривалась государствами при создании того или иного международного суда. Довольно многочисленны зарубежные публикации о судебном активизме ЕСПЧ. В последнее время появляются публикации о судебном активизме в деятельности Международного суда ООН, Международного Трибунала по морскому праву, а также Органа по

разрешению споров ВТО, где в первую очередь анализируется нормотворческая деятельность Апелляционного Органа. Сейчас уже можно утверждать, что термин прочно вошел в словарь исследователей международного и европейского права и вопросов правосудия в целом.

Глава «Суды интеграционных объединений. Суд ЕС и Суд ЕАЭС» состоит из трех параграфов.

В параграфе 1 рассматриваются общие вопросы правосудия в интеграционных объединениях. Указывается, что в понимании автора интеграция — это особая форма межгосударственного сотрудничества, в первую очередь, в сфере экономики и имеющая вполне четкое и понятное региональное применение. Передача на уровень институтов объединения полномочий по принятию нормативных актов общего применения, непосредственно регулирующих правоотношения в государствах-членах объединения и применяемых их национальными судами при разрешении споров, является основным отличительным признаком интеграционных объединений от иных форм межгосударственного экономического и иного сотрудничества. Объем и характер передаваемых государствами в рамках интеграционных объединений полномочий заставляет их задуматься о создании эффективного контроля за правомерностью нормативных актов, принимаемых институтами интеграционных объединений. Оптимальным решением является создание постоянно действующего суда, основной задачей которого и будет являться осуществление такого контроля. Как правило, в ходе процедуры оспаривания таких актов суд имеет право их аннулировать, выступая, таким образом, в роли «негативного законодателя».

Наличие нормативных актов общего применения, которые должны использоваться национальными судами стран интеграционного объединения, делает более чем актуальной проблему единообразного толкования и применения таких актов в национальных правовых порядках. Разнобой в толковании и применении нормативных актов может самым серьезным образом осложнить интеграционные процессы. Для того, чтобы этого избежать,

практически все интеграционные объединения заимствуют опыт Суда ЕС и наделяют создаваемый суд правом рассматривать преюдициальные запросы, направляемые национальными судами, обеспечивая тем самым некие руководящие указания для всех судов стран-членов объединения. Наличие постоянно действующего суда позволяет также совершенно по-другому подходить к вопросам контроля за исполнением вынесенных судом решений. Вместо горизонтального контроля становится возможным использовать контроль вертикальный, который осуществляется исполнительным органом интеграционного объединения. Интеграционное правосудие, если вообще правомерен этот термин, можно и нужно свести к деятельности судов интеграционных объединений, которые сегодня создаются по модели Суда ЕС. К числу таких судов можно отнести Суд Бенилюкса (1974), Трибунал Андского Сообщества (1984), Суд Европейской Ассоциации свободной торговли (ЕАСТ) (1994), Суд УЕМОА (Восточноафриканского экономического и валютного союза) (1995), Суд Общего рынка восточноафриканских стран (COMESA) (1998), Суд Восточноафриканского Сообщества (ЕАС) (2001), Суд Экономического Сообщества восточноафриканских стран (ECOWAS) (2002), Трибунал Южноафриканского сообщества развития (SADC) (1992), Суд ЕАЭС (2015) – всего 11 судов. Некоторые из них, например, Трибунал Андского Сообщества, являются 100% копией Суда ЕС, что не удивительно, так как при его создании активную роль играли советники из ЕС, в число которых входили бывшие судьи и генеральные адвокаты Суда ЕС.

Все эти суды интеграционных объединений являются международными судами, образуя среди них особую группу за счет той компетенции, которая есть только у них – право судебного контроля за актами, принимаемыми институтами интеграционных объединений.

При этом очевидный на сегодня парадокс состоит в том, что даже полное заимствование структуры и компетенции Суда ЕС не означает автоматического успеха суда того или иного интеграционного объединения. Опыт судов интеграционных объединений Латинской Америки и Африки наглядно

показывает, что даже если организации выбрали для себя модель Суда ЕС при создании собственных судов, социальные, политические, экономические и правовые факторы могут привести к различным результатам эффективности этих судебных механизмов. Успешность конкретного суда зависит от различных факторов, среди которых в первую очередь нужно упомянуть готовность государств и их национальных судов работать с международным судом, позицию самого суда, ее реалистичность, прагматичность, аргументированность, оценку последствий того или иного решения.

В параграфе 2 рассматриваются вопросы судебного активизма в практике Суда ЕС и судов евразийской интеграции. При всей разнице в оценках деятельности Суда ЕС исследователи единодушны в том, что на сегодня он является одним из наиболее активистских судов в мире. Действительно, если попытаться применить к практике Суда ЕС, указанные выше семь признаков проявления активизма, то окажется, что все они в той или иной степени присутствуют в деятельности Суда ЕС, причем наиболее заметными являются судебное нормотворчество, расширение Судом своей компетенции и креативное толкование положений учредительных договоров ЕС. Однако на сегодня самым впечатляющим образцом судебного активизма Суда ЕС является то, что затем в трудах исследователей получило название «конституционализация» учредительных договоров ЕС. Этот термин был применён к тем решениям Суда ЕС, в которых заложены доктринальные основы нынешнего правопорядка Европейского Союза. В результате этих решений ЕС трансформировался из традиционной международной организации, действующей на основе норм международного права, в особое образование, которое имеет свои конституционные принципы и регулируется договором, носящим характер конституции. Первым и наиболее известным шагом Суда ЕС в этом направлении стало вынесенное в 1963 году знаменитое решение по делу Van Gend en Loos¹, в котором Суд впервые заявил о

---

¹ ECJ, Case 26/62 Van Gend en Loos v Nederlandse Administratie der Belastingen ECR [1963] 1.

существовании особого правопорядка Европейского Сообщества, субъектами которого являются не только государства, но и частные лица. Затем через полтора года последовало не менее известное решение по делу *Costa/Enel*², где Суд провозгласил абсолютный приоритет права ЕС над любыми нормами внутреннего права, в том числе и над нормами национальных конституций. В уже упомянутом решении по делу *Les Verts*³ Суд заявил о Договоре о ЕС как о «конституционной хартии Сообщества». «Конституционализация» ЕС была в целом завершена провозглашением Судом ЕС доктрин прямого и косвенного эффекта права ЕС. Действуя как своего рода конституционный суд Европейского Союза, Суд ЕС проверяет положения актов институтов ЕС на предмет их соответствия учредительным договорам и Хартии основных прав ЕС и при необходимости их аннулирует.

На наш взгляд, период судебного активизма Суда ЕС еще не закончен. Лиссабонский договор, пришедший на смену «провалившемуся» Конституционному договору 2004 года, также представляет собой плод компромисса между странами ЕС, желающими достичь результата и при этом снять значительное общественное недовольство и страхи населения перед дальнейшей интеграцией. Многие положения Лиссабонского договора потребуют своего толкования и наполнения Судом ЕС. Большой клубок проблем представляет собой Хартия основных прав ЕС. Недавние решения Суда ЕС по применению Хартии дают все основания утверждать, что именно Хартия основных прав станет в руках Суда ЕС весьма действенным инструментом дальнейшей судебной федерализации Европы.

В параграфе 3 рассматриваются роль прецедента в практике Суда ЕС и судов евразийской интеграции. Общий вывод, к которому приходят все авторы, изучающие проблему прецедентной силы решений Суда ЕС, состоит в том, что Суд не связан своими предыдущими решениями, но на практике весьма редко

---

² ECJ, *Costa v. E.N.E.L.*, Case 6/64, [1964] E.C.R. 585.

³ ECJ, Case 294/83 *Les Verts*, para. 23.

от них отходит. На сегодня около 80% решений Суда Европейского Союза в значительной степени основаны на позициях Суда, сформулированных в ранее вынесенных решениях. Более того, в своих Указаниях и порядке проведения письменной и устной процедур⁴, размещенных на сайте Суда, Суд недвусмысленно побуждает стороны процесса и их юристов сопровождать свои письменные представления в Суд ссылками на применимые решения Суда.

В отличие от других международных судов, прецедентная сила решений Суда ЕС проявляется в трёх направлениях. Во-первых, в отношении обязательности ранее вынесенных решений для самого Суда (назовем это само обязывающий прецедент). Во-вторых, это обязательность решений Суда для нижестоящих судов Союза (вертикальный прецедент), то есть для Суда общей юрисдикции (далее также – СОЮ), в отношении решений которого Суд Европейского Союза выступает в роли апелляционной инстанции, и уже упраздненного Трибунала по гражданской службе (по отношению к которому Суд ЕС ранее выступал в роли надзорной инстанции). В-третьих, это прецедентный характер преюдициальных заключений Суда ЕС для национальных судов стран-членов – участниц Европейского Союза.

Рассматривая отдельно вопрос о роли прецедента в практике Суда ЕАЭС, на наш взгляд, пока рано говорить о прецедентной технике или о какой-либо заявленной или молчаливо реализуемой стратегии Суда ЕАЭС в части выстраивания прецедентной силы своих решений. Однако для Суда ЕАЭС главная проблема сейчас состоит в прецедентной силе решений практики его предшественника — Суда ЕврАзЭС.

Необходимо отметить, что современному международному правосудию известны случаи учета практики рассмотрения споров в одной международной организации при разрешении споров в рамках другой организацией,

---

⁴ Notes for the guidance of Counsel in written and oral proceedings before the Court of Justice of the European Communities (February 2009). Доступно на: http://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2008-09/txt9_2008-09-25_17-37-52_275.pdf

пришедшей на смену первой. В качестве примера можно указать на сохранение Международным судом ООН практики Постоянной палаты международного правосудия, созданной в рамках Лиги Наций, а также опыт ОРС ВТО применительно к докладам третейских групп, созданных в ГАТТ. Во всех случаях было очевидным намерение государств-членов обеспечить непрерывность и преемственность накопленной практики судов-предшественников. В свою очередь, пришедшие им на смену вновь образованные международные суды, бережно относясь к этому опыту, никогда не признавали его обязательный характер и оставляли за собой право при определенных обстоятельствах от него отойти. Говоря о практике Суда ЕАЭС, стоит отметить, что, судя по всему, Суд ЕАЭС склонен лишь принимать во внимание правовые позиции Суда ЕврАзЭС и молчаливо исходит из готовности в случае необходимости их пересмотреть.

В параграфе 4 рассматриваются вопросы приоритета, прямого действия и прямого эффекта права ЕС и ЕАЭС. В отличие от традиционных международных организаций, в данном случае в право интеграционных объединений будут входить не только учредительные договоры и изменения к ним, включая договоры о присоединении новых членов, и не только традиционные для международного права решения и резолюции органов такого объединения, но и те самые общеобязательные нормативные акты, принимаемые институтами этого объединения., которые и будут непосредственно действовать в национальных правовых порядках стран-членов, заменяя собой национальные правовые акты в соответствующей области. Именно наличие частных лиц среди субъектов права ЕС позволило Суду ЕС заявить об особости и особенностях правового порядка ЕС. То же самое можно сказать и о правовом порядке ЕАЭС.

Однако учредительные договоры ЕС и ЕАЭС обходят молчанием проблемы применения норм права ЕС и ЕАЭС в национальных правовых порядках стран-членов, поэтому решение этой задачи оказалось возложено на Суд ЕС и Суд ЕАЭС. В первую очередь это вопрос о том, как будет разрешаться

нормативный конфликт между нормой права интеграционного объединения и противоречащей ей нормой национального законодательства, и будет ли в этом случае норма права интеграционного объединения иметь приоритет.

Суд ЕС в целой серии своих решений, начиная с дела *Costa/Enel*, сформулировал свою доктрину абсолютного приоритета права ЕС, по которой любая норма права ЕС, даже техническая норма вторичного права, имеет безусловный приоритет над любой нормой права национального, независимо от того, когда была принята эта внутренняя норма, и от ее характера. В качестве немаловажной детали можно указать на досадную терминологическую путаницу в вопросе приоритета права ЕС. Несмотря на то, что сам Суд ЕС практически всегда в своих решениях говорит о приоритете права ЕС, а не его верховенстве (в своем знаменитом решении по делу *Costa/Enel* использует именно этот термин (*precedence, priority*), а не верховенство (*supremacy*)), в научной литературе, в том числе и отечественной, закрепились идея именно о верховенстве права ЕС. Такая терминологическая путаница лишь усугубляется тем обстоятельством, что в сегодняшней судебной практике термин «*supremacy*» (верховенство) оказался прочно взят на вооружение конституционными судами стран-членов ЕС, которые в этом отношении последовали знаменитому решению Конституционного трибунала Испании, впервые разделившие эти два понятия.

Говоря о доктрине Суда ЕС о приоритете права ЕС, стоит отметить, что с точки зрения Суда ЕС это влечет следующие обязательства для государств-членов: (а) запрет национальных властей оспаривать в национальных судах действительность норм права ЕС, (б) запрет применять национальные нормы, противоречащие праву ЕС, (в) запрет принимать национальные акты, противоречащие праву ЕС, (г) обязательство отменить нормативные акты, противоречащие праву ЕС.

Говоря о подходе Суда ЕАЭС, необходимо отметить, что в решении по спору России с Республикой Беларусь от 21 февраля 2017 г. Суд ЕАЭС указал, что нормы Соглашения о взаимной административной помощи таможенных

органов от 21 мая 2010 г. имеют приоритет над конфликтующими с ним национальными правовыми актами. По сути Суд предлагает свой вариант решения нормативного конфликта между нормой права ЕАЭС и применимой нормой национального права. По его мнению, в тех случаях, когда применение внутренней нормы приведет к конфликту с нормой права ЕАЭС, внутренняя норма не должна применяться на национальном уровне, но при этом она не перестает действовать и не объявляется недействительной (это могут сделать только уполномоченные органы власти страны-члена Союза). Однако пока остаются без ответа вопросы о том, будет ли в случае нормативного конфликта иметь значение статус национальной нормы, а также время ее принятия. Кроме того, многое будет зависеть от желания и готовности национальных судов воспринять приоритет права ЕАЭС, согласившись с логикой аргументами Суда ЕАЭС. Весьма показательны в этом отношении, с одной стороны, история успеха Суда ЕС, а с другой, институциональная неудача Андского Трибунала, судебного органа Андского Сообщества.

В праве Европейского Союза уже устоялись и активно используются понятия «прямое действие» (direct applicability), «прямой эффект» (direct effect) и косвенный эффект (indirect effect). Под прямым действием понимается ситуация, когда нормы ЕС адресованы и применяются частными лицами, государственными органами и национальными судами непосредственно, без издания какого-либо внутреннего нормативного акта, санкционирующего применение этих норм. В соответствии с доктриной прямого эффекта норма права ЕС, которая не обязательно должна быть адресована всем субъектам национального права, а, например, только государствам (например, норма договора или норма директивы), способна тем не менее порождать некие субъективные права для частных лиц. В том случае, если эта норма безусловная и достаточно ясная, частные лица вправе использовать ее для обоснования своей позиции в национальном суде, и национальный суд разрешает спор на основании именно этой нормы, а не применимой нормы национального права.

Такая практика Суда ЕС не осталась без внимания Суда ЕАЭС. Именно исходя из этого, можно предположить, что за словами Суда ЕАЭС о прямом действии норм соответствующего раздела договора о ЕАЭС скрывается именно желание признать за ними прямой эффект в том смысле, о котором говорит Суд ЕС, то есть, что эти нормы могут порождать субъективные права для неограниченного круга частных лиц, которые могут быть опираться и ссылаться на эти права для отстаивания своей позиции в национальных судах, а суды обязаны эти права всемерно защищать.

Анализируя устоявшуюся практику Суда ЕС в отношении косвенного эффекта, стоит отметить, что первое и фундаментальное отличие между прямым и косвенным эффектом заключается в том, что в случае прямого эффекта национальный суд применяет норму права ЕС, если она отвечает установленным требованиям для прямого эффекта (безусловность и достаточная ясность). В случае же с косвенным эффектом национальный суд применяет не норму права ЕС, а все же положения внутреннего права, но с учетом нормы права ЕС. Именно такое использование национальными судами нормы права ЕС (не напрямую, а лишь в качестве средства для установления нормы внутреннего права, более подходящей для разрешения спора, рассматриваемого национальным судом), и дало основание назвать такой подход Суда ЕС косвенным эффектом. Кроме того, если в случае с прямым эффектом внимание обращается на соответствие формулировок директивы требованиям для установления прямого эффекта (безусловность и достаточная ясность), то в случае с косвенным эффектом национальный суд должен исходить не столько из формулировок, но и целей директивы (отсюда, кстати, одно из названий такой доктрины – целенаправленная интерпретация).

Если же говорить о позиции Суда ЕАЭС, то его призыв в консультативном заключении от 4 апреля 2017 г. к национальным судам толковать нормы своего законодательства исходя из заявленной в ст. 4 Договора цели, можно расценить как попытку Суда ЕАЭС привить в правопорядке Союза то, что в праве ЕС получило название «косвенный

эффект», то есть обязанность национальных судов толковать применимые нормы национального законодательства с учетом формулировок и целей соответствующих положений Договора.

Глава 3 «Исполнение решений международных судов» состоит из четырех параграфов.

В первом параграфе рассматриваются общие вопросы исполнения норм международного права. Вопросы исполнения решений международных судов являются частью более глобальной проблемы соблюдения (compliance) государствами норм международного права. Некоторые авторы называют исполнение решений международных судов соблюдением второго уровня, понимая под первым уровнем соблюдение норм международного права⁵. Благодаря активному участию в дискуссии специалистов по международным отношениям и по сравнительному правоведению в современной доктрине международного права произошла смена парадигм в отношении проблематики соблюдения государствами международно-правовых норм. На смену легализму, когда соблюдение объяснялось и обосновывалось лишь самим фактом обязательности норм и необходимостью следовать принципу *parata sunt servanda*, пришли новые доктрины, анализирующие различные факторы, влияющие на соблюдение государствами норм международного права. При всех их различиях эти доктрины исходят из ставшего уже крылатым афоризма крупного американского теоретика международного права Л. Хенкина, который заявил, что «большинство государств большую часть времени соблюдают почти все принципы международного права и почти все свои обязательства».⁶

Специфика вопросов исполнения решений международных судов состоит в том, что эти суды действуют в совершенно других условиях, нежели национальные суды, что делает их роль фундаментально иной, нежели в национальном правосудии. Ярким контрастом является то, что, в мире не

---

⁵ Ginsburg T., McAdams R. Adjudicating in Anarchy: An Expressive Theory of International dispute Resolution // William and Mary Law Review, 2003. Vol. 45. P. 1235.

⁶ Henkin L. How Nations Behave, 2d ed. New York: Columbia University Press. 1979. P. 47

существует аппарата принуждения для того, чтобы заставить государство исполнить решения этих судов, поэтому сам факт того, что государства все же добровольно исполняют большинство принятых против них решений, заставил исследователей говорить о загадке исполнения в отсутствие санкций.⁷

Так же как в случае с соблюдением норм международного права, необходимо отличать вопросы исполнения решений судов от эффективности судебных учреждений. Понимая под эффективностью способность суда своими решениями реализовывать цели, поставленные перед ним государствами, отмечается, что как неэффективные, так и эффективные суды могут иметь высокий уровень исполнения своих решений.

В параграфе 2 рассматривается практика исполнения решений международных судов. Как показывают уже имеющиеся эмпирические данные, государства-ответчики в целом стараются исполнять большинство решений, вынесенных в их отношении международными судами, хотя разброс исполнимости решений конкретных судов впечатляет. Анализ практики исполнения решений МС ООН показывает красноречивую тенденцию – по мере возрастания количества рассмотренных судом дел растет и число случаев полного или частичного неисполнения вынесенных Судом решений. Кроме того, оказалось, что полномочия Совета Безопасности по контролю за исполнением решений МС ООН на практике не работают. Лишь в одном случае выигравшее спор государство (Никарагуа) обратилось в Совет Безопасности ООН с просьбой принять меры в отношении США, которые отказались исполнять решение МС ООН по делу *Nicaragua v. United States*. Подготовленный проект резолюции Совета Безопасности с призывом к полному и немедленному исполнению решения Суда натолкнулся на вето со стороны США и больше Совет Безопасности к этому вопросу не возвращался.

---

⁷ Ginsburg T., McAdams R. Adjudicating in Anarchy: An Expressive Theory of International dispute Resolution // *William and Mary Law Review*. 2004. Vol. 45. P. 1241.

Говоря об исполнении решений ОРС ВТО, стоит отметить, что на первый взгляд кажется, что создание нового механизма рассмотрения споров в ВТО повлекло за собой и улучшение исполнимости вынесенным в его рамках решений. Согласно недавно опубликованным данным, уровень исполнения решений в ВТО выше, чем в ГАТТ – 80% против 63%. Однако при более тщательном анализе возникает немного иная картина. Лишь 66% решений ОРС ВТО было полностью исполнено, в 13% решений было относительное (частичное) исполнение, а 21% решений остался полностью не выполненным, причем решения против богатых стран исполняются хуже, чем решения против бедных государств (68% против 81%). Можно предположить, что система разрешения споров ВТО была изначально сознательно сконструирована государствами с тем, чтобы предоставить государствам как можно больше гибкости, не принося при этом в жертву эффективность самой системы и явно не ставя самоцелью полное и безусловное исполнение решений по спорам.

Относительно малоизвестный в России МАСПЧ является, тем не менее, вторым по активности и по авторитету международным судом по правам человека, при этом 83% решений МАСПЧ было исполнено частично, 11% решений было полностью не исполнено, и лишь в 6% решений исполнение было полным.

Согласно отчёту Комитета министров Совета Европы за 2015 г. государства, как правило, не испытывают сложностей с исполнением решений ЕСПЧ, и чаще и быстрее исполняют решения о выплате компенсации заявителям. По подсчётам исследователей, лишь 5% решений о выплате компенсации заявителям исполняется с нарушением сроков. Сложнее дело обстоит с пилотными решениями, которые требуют принятия мер общего характера, в том числе и законодательного плана. Тем не менее, общая картина исполнения решений ЕСПЧ далека от идеала.

Параграф 3 посвящен вопросам исполнения решений Суда ЕС и Суда ЕАЭС. Вопросы исполнения решений Суда ЕС вызывают особый интерес сразу по нескольким причинам. Во-первых, у Суда ЕС самый высокий в мире

процент исполнения его решений. Во-вторых, с 1993 г. у Суда ЕС есть право применять финансовые санкции к государствам, не исполнившим его решения. В-третьих, у преюдициальных заключений Суда ЕС уровень исполнения еще выше – почти 97%, несмотря на то, что в учредительных договорах ЕС нет ни слова в отношении их юридической силы и обязательности, а само исполнение преюдициальных заключений Суда ЕС как раз никакими финансовыми санкциями не подкреплено. Тем не менее, история ЕС знает немало примеров многолетнего сопротивления государств решениям Суда ЕС. Сам же Суд в 2015 г. рассмотрел три дела о применении санкций к государствам, не исполнившим вовремя его решения, вынеся достаточно суровые решения. При этом сама Комиссия признает, что даже самые жесткие санкции решают далеко не все. В 2015 г. на контроле у Комиссии было 7 дел, где исполнение так и не наступило даже после применения Судом ЕС финансовых санкций к государству-нарушителю.

В параграфе 4 представлены результаты обобщения практики ведущих международных судов, которые можно свести к следующим выводам:

Во-первых, можно согласиться с мнением о том, что практика отнюдь не доказывает, что деятельность судов позитивно сказывается на соблюдении государствами норм международного права.

Во-вторых, практика показывает правоту тех исследователей, которые утверждают, что успешность наиболее известных и востребованных на сегодня международных судов, таких как ОРС ВТО, ЕСПЧ и Суд ЕС, объясняется во многом сочетанием принуждения и управления процессом соблюдения государствами своих обязательств.

В-третьих, на процесс исполнения того или иного решения может самым непосредственным образом оказать влияние та цель, которую ставит перед собой суд при рассмотрении того или иного дела. Если на первом плане находится задача толкования той или иной нечётко сформулированной нормы международного соглашения или ее модификации, то исполнение или неисполнение в этом случае становится частью более общего процесса

кристаллизации этого нового толкования или содержания модифицированной нормы, происходящего в форме диалога между государствами-участниками договора и судом. Если позиция суда, изложенная в решении, в целом позитивно воспринимается большинством государств-участников международного договора, и они готовы исходить в своем дальнейшем поведении именно из этого толкования, тогда можно сказать, что суд своим решением достиг желаемой цели. Парадоксально, но в этом случае исполнение вынесенного решение конкретным государством отнюдь не является необходимым условием для достижения судом своей цели.

Говоря об исполнении решений судов, вынесенных в порядке реализации судом функции по контролю за исполнением государствами своих обязательств, то, как показывает приведенная выше практика, такое исполнение зависит от нескольких факторов. С одной стороны, от того, насколько совпадает трактовка нарушенных обязательств, данная судом, с той, из которой исходит само государство в своих действиях. Если речь идет о нарушении обязательств в их устоявшемся и принятом государствами-участниками договора толковании, то вероятность исполнения такого решения суда будет значительно выше. Если же речь идет о фиксации судом нарушений обязательств в толковании, которое расходится с тем, из чего исходит государство, либо если суд в решении меняет свою ранее устоявшуюся практику и признает нарушение в тех случаях, которые раньше нарушением не являлись, то вероятность исполнения будет ниже.

В-четвертых, на уровень исполнения влияет дизайн контрольного механизма, созданный государствами в рамках данного договора. В ситуации, когда отсутствуют мировой законодатель и централизованный аппарат принуждения, государства, создавая международные суды, сами решают, как и в какой степени будут исполняться судебные решения, и что будет в том случае, если государство решит решение не исполнять.

В-пятых, проблема повышения уровня исполнения решения судов не может быть решена за счет введения более жестких санкций. Как показывает

приведенный выше обзор практики исполнения ведущих международных судов, государства при создании судов чаще всего предусматривают дипломатические методы разрешения ситуаций неисполнения решений судов, а не принуждение.

Глава 4 «Вопросы взаимодействия судов интеграционных объединений и конституционных судов стран-членов этих объединений» состоит из тех параграфов.

В первом параграфе рассматриваются вопросы взаимодействия региональных интеграционных судов и конституционных судов стран-членов на примере ЕС. Отмечается, что львиная доля национального законодательства в странах ЕС на сегодня является имплементацией норм права ЕС, подпадая, таким образом, под сферу применения Хартии основных прав ЕС. В этой ситуации любой национальный суд может проверить эти национальные акты именно на соответствие Хартии, а не национальной Конституции, оставляя тем самым в стороне национальные конституционные суды. Если этому национальному суду для этого потребуется поддержка Суда ЕС, то он ее может получить, обратившись с запросом в Суд ЕС о преюдициальном заключении. С учетом того, что исключительное право на толкование Хартии принадлежит Суду ЕС, это означает, что именно его толкование будет применяться к большинству внутренних нормативных актов стран-членов ЕС. Такая коалиция национальных судов и Суда ЕС представляет на сегодня вполне ощутимую угрозу для привычной системы централизованного конституционного контроля в большинстве стран ЕС, в которой основную роль играют специализированные конституционные суды.

В крайне непростом положении оказались нижестоящие суды стран-членов ЕС. От них требовалась теперь некая «двойная лояльность» – по отношению к Суду ЕС и к собственным конституционным судам (при желании можно говорить даже о «тройной лояльности», если принимать во внимание амбиции ЕСПЧ также стать конституционным судом для всей Европы). В результате нижестоящие суды стран-членов ЕС оказывались перед

необходимостью делать даже не один, а несколько непростых выборов. Выбор первый: к кому и в какой последовательности обращаться за разъяснением соответствующих положений национального законодательства с точки зрения прав человека – к своему конституционному суду или к Суду ЕС? Выбор второй: чье толкование в итоге надо будет применять, если мнения этих судов различаются?

Для конституционных судов такой очевидный монизм Суда ЕС стал неприятным откровением, и они достаточно давно начали выстраивать свою линию защиты, отказавшись признать абсолютный приоритет права ЕС и сделав выбор в пользу сохранения своих правопорядков. Кардинальное отличие целей и природы конституционного правосудия от международных судов заставило конституционные суды Европы выработать свое отношение к международному праву в целом, и к приоритету права ЕС, в частности. Так, Конституционный Суд Италии в своих решениях разработал и активно применяет так называемую доктрину контр-лимитов (конституционных пределов), в рамках которых он будет допускать действие норм международного права и права ЕС в правопорядке Италии.

Однако гораздо большую известность получила позиция Конституционного Суда ФРГ (далее – КС ФРГ), который на сегодня является бесспорным лидером группы конституционных судов, оппонирующих Суду ЕС. КС ФРГ считает, что основаниями для отказа признавать приоритет нормы права ЕС над национальными нормативными актами (но не над Конституцией) являются *ultra vires* решения институтов ЕС, а также несоответствие актов ЕС «конституционной идентичности». Говоря о необходимости соблюдать обязательства по праву ЕС (и международного права в целом), КС ФРГ на сегодня исходит из того, что правительство в исключительных случаях не только может, а просто обязано не исполнять нормы права ЕС, если они противоречат основным положениям Конституции ФРГ.

Такой подход резко контрастировал с доктриной приоритета абсолютного, продвигаемой Судом ЕС. По-другому видят конституционные

суды и источник такого приоритета права ЕС. Если для Суда ЕС это вытекает из особенностей правопорядка ЕС, то для конституционных судов этот приоритет права ЕС основан на положениях национальных конституций о членстве страны в ЕС (такие положения были внесены в конституции практически всех стран Союза). При этом большие надежды конституционные суды возлагали на такое возможное основание для своего вмешательства как нарушение конституционной идентичности. В этом отношении они исходили из ст. 4(2) Лиссабонского Договора, согласно которой Европейский Союз должен уважать (shall respect) равенство государств-членов, а также национальные идентичности государств-членов.

Однако вопреки ожиданиям, Суд ЕС не рассмотрел ни одного дела, в котором акт ЕС оспаривался бы на основании аргумента, что акт ущемляет национальную идентичность стран-членов ЕС. Кроме того, анализ недавних решений Суда ЕС показывает, что Суд ЕС пока не смог или не захотел выработать ни свое автономное определение термина «национальная идентичность», равно как и понятную методологию толкования и применения ст. 4(2) о национальной идентичности для аннулирования актов ЕС и для обоснования государствами ЕС своего отхода от исполнения актов вторичного права ЕС. Наконец, также вопреки ожиданиям, никакой войны конституционных судов с Судом ЕС, равно как и никакого сотрудничества между ними по вопросам толкования ст. 4(2) также не случилось. Конституционные суды предпочли уклониться от преюдициальных обращений в Суд ЕС по этому вопросу. Конституционные суды стран-членов ЕС занялись тем, что они могут в этой ситуации – проверкой соответствия на национальную идентичность внутренних актов, принятых во исполнение нормативных актов ЕС. Делают это они, не обращая внимание ни на ст. 4 (2), ни на практику Суда ЕС, а лишь руководствуясь собственным пониманием идентичности.

В параграфе 2 главы 4 рассматриваются вопросы взаимодействия Суда ЕАЭС и конституционных судов стран-членов ЕАЭС на примере Конституционного Суда Российской Федерации (далее –КС РФ). Указывается,

что начавшаяся резкая интенсификация процессов евразийской интеграции поставила КС РФ перед крайне непростым выбором. Буквально за несколько лет появился и стремительно развивается новый евразийский правопорядок, куда входят нормативные акты, принимаемые институтами ЕАЭС и подлежащие непосредственному применению субъектами национального права государств-членов. Это означает, что помимо национальных правовых норм, в российском правопорядке уже появились нормы, принимаемые не органами государства, а наднациональными институтами, и именно эти нормы подлежат применению гражданами, предприятиями, органами государственной власти, а также национальными судами при разрешении споров. И если нормы российского национального права проверяются на соответствие Конституции России КС РФ, то в отношении решений Евразийской Экономической Комиссии (далее – ЕЭК) судебный контроль возложен на Суд ЕАЭС, который вправе проверять решения ЕЭК на предмет их соответствия международным договорам, заключенным в рамках ЕАЭС и Таможенного Союза. Стало очевидно, что некая и весьма быстро растущая часть правовых норм, регулирующих правоотношения внутри Российской Федерации, остаётся за пределами конституционного контроля со стороны КС РФ.

В своем определении от 3 марта 2015 г. КС РФ заявил, что только он решает вопрос о конституционности норм, действующих в правопорядке России. В этот правопорядок входят не только национальные нормы, но и нормы международного права. Исходя из этого, КС РФ установил, что в правопорядок входят как решения ЕЭК, так и Договор о создании Евразийского Союза. Из этого КС РФ сделал вывод о своем праве рассматривать вопросы о конституционности решений ЕЭК, несмотря на то, что такая возможность напрямую не закреплена в законе «О Конституционном Суде» (что неудивительно, так как сам закон был принят еще в 1994 г., задолго до создания Евразийского Союза). По мнению КС РФ, членство в межгосударственных объединениях не должно приводить к нарушению прав человека и не должно создавать угрозу основам конституционного строя. Таким образом, КС РФ

указал на два возможных основания для своего контроля над решениями ЕЭК, и главное из них — вопрос о правах человека. По мнению КС РФ, участие России в ЕАЭС не освобождает Россию от своей конституционной обязанности защищать права человека. В противном случае основанная на принципе *res sunt servanda* обязанность России отдавать приоритет международным договорам при коллизии с национальными нормами может выливаться в «безоговорочное стремление выполнять взятые на себя обязательства» в ущерб правам человека, что, по мнению КС РФ, недопустимо.

В параграфе 3 главы 4 «Суды европейских интеграционных объединений, права человека и ЕСПЧ» рассматриваются вопросы взаимодействия судов европейских интеграционных объединений, в первую очередь, Суда ЕС и ЕСПЧ. Именно в Европе процессы региональной интеграции приобрели беспрецедентный характер как по количеству участвующих государств, так и в качественном выражении. Можно с изрядной долей уверенности утверждать, что в случае дальнейшего успешного развития евразийской интеграции на уровне ЕАЭС нас также ждет воспроизведение отношений не только по линии региональный интеграционный суд – национальные конституционные суды, о чем уже говорилось выше, но и по линии региональный интеграционный суд – региональный суд по правам человека, учитывая что два государства-члена ЕАЭС (Россия и Армения) являются участниками Европейской конвенции по правам человека 1950 г. И в этом отношении проанализировать и оценить взаимоотношения Суда ЕС и ЕСПЧ представляется насущно необходимым.

Отмечается, что сам факт неучастия ЕС в Европейской Конвенции отнюдь не означал, что ЕСПЧ и Суд ЕС игнорировали существование друг друга, равно как и то, что акты и действия ЕС были полностью недосыгаемы для контроля со стороны ЕСПЧ.

Говоря о позиции ЕСПЧ по отношению к ЕС, стоит отметить, что ЕСПЧ неоднократно заявлял, что обладает полной юрисдикцией в отношении любых действий государств-членов ЕС, совершенных во исполнение ими своих обязательств по праву ЕС. Детально проанализировав право ЕС и особенно

практику Суда ЕС, ЕСПЧ пришел к выводу, что защита основных прав человека в ЕС является эквивалентной системе защиты, предлагаемой Конвенцией (п. 165). Тем не менее, ЕСПЧ сделал два весьма примечательные оговорки. Во-первых, он заявил, что презумпция эквивалентности будет распространяться только на действия и нормы ЕС, принятые в рамках т.н. первой опоры (то есть имеющие отношение только к вопросам создания и действия единого внутреннего рынка). Во-вторых, ЕСПЧ подчеркнул, что презумпция эквивалентности не является раз и навсегда устоявшимся фактом или индульгенцией, и должны быть предметом рассмотрения ЕСПЧ при любых изменениях в системе защиты прав человека в ЕС.

Позиция Суда ЕС в отношении вопроса защиты права человека также претерпела крайне любопытную эволюцию. Столкнувшись с отмеченной выше позицией немецких и итальянских конституционных судов и отстаивая приоритет и прямой эффект права ЕС, Суд ЕС постепенно менял свою позицию, начиная с решения по делу *Staudler* в 1969 г. В этом решении Суд ЕС впервые признал, что основные права человека составляют часть общих принципов права ЕС и в силу этого он будет обеспечивать их защиту. Особое значение, которое Суд ЕС начал придавать Европейской Конвенции, можно объяснить тем, что в отсутствие собственного каталога прав человека (о чем и говорили в своих решениях немецкие и итальянские высшие суды) Конвенция оказалась чрезвычайно удобным инструментом для заимствования и использования Судом ЕС в этой ситуации и в этих целях (никогда не признавая обязательность для себя норм Конвенции, Суд использовал ее положения как источник вдохновения (*source of inspiration*) и как некое «резюме европейских стандартов в области прав и свобод человека»). Оба европейских суда, как ЕСПЧ, так и Суд ЕС, были вынуждены (хотя в силу различных обстоятельств) сформулировать свои позиции как в отношении друг друга, так и в отношении правопорядков друг друга.

Ожидание скорого присоединения ЕС к Конвенции сменилось глубоким и нескрываемым разочарованием, когда Суд ЕС в своем Заключении признал

Проект Соглашения о присоединении ЕС к Европейской Конвенции не соответствующим праву ЕС. Суд ЕС посчитал, автономный характер правопорядка ЕС требует, чтобы толкование основных прав человека осуществлялось исключительно в рамках институциональной структуры самого Союза. В случае присоединения ЕС к Европейской Конвенции эта Конвенция войдет в правопорядок ЕС, где учредительные договоры ЕС обладают абсолютным приоритетом над всеми международными договорами, включая Устав ООН, а сама Конвенция как международный договор с участием ЕС в иерархии источников права ЕС находилась бы ниже, чем учредительные договоры и Хартия основных прав ЕС. Более того, в этом случае, вошедшую в правопорядок ЕС Европейскую Конвенцию толковать по вопросам права ЕС мог бы только Суд ЕС, но не никак не ЕСПЧ. Надо при этом отдавать себе отчет, что трудный и постепенный процесс судебной федерализации ЕС подразумевает если не исключение, то минимизацию вмешательства в этот процесс со стороны ЕСПЧ, который по-прежнему мыслит и действует в международно-правовой парадигме, рассматривая ЕС как сумму 28 государств, каждое из которых продолжает нести полную ответственность за соблюдение Конвенции. Со своей стороны, Суд ЕС все больше рассматривает ЕС как своего рода квази-федерацию в развитии. В этом отношении отрицательное Заключение Суда ЕС становится вполне понятным и объяснимым.

Крайне неопределенным после Заключения Суда остаётся развитие ситуации с присоединением ЕС к Конвенции. Здесь возможны несколько вариантов, один из которых подразумевает проведение нового раунда переговоров для разработки нового проекта Соглашения, который бы учитывал возражения Суда ЕС. Однако даже беглый анализ Заключения Суда приводит к пониманию, что это будет еще одна обреченная на провал попытка. Система защиты прав человека в рамках Конвенции самым кардинальным образом отличается от той, что существует ныне в Европейском Союзе. Причем на взгляд автора речь идёт и принципиальной несовместимости. Однако именно полная реализация пожеланий Суда ЕС приведет к официально санкционированному

разрушению существующей сейчас системы защиты прав человека в рамках Европейской Конвенции. Суд ЕС недвусмысленно говорит, что его устроит лишь вариант эксклюзивного отношения к ЕС, при котором все государства-участники Конвенции будут разделены на две группы. В первую войдут страны–члены ЕС, для которых главным документом все равно будет Хартия, а не Конвенция, а главным судом будет Суд ЕС, а не ЕСПЧ. Все остальные страны Совета Европы останутся с Конвенцией и ЕСПЧ. При таком раскладе присоединение ЕС к Конвенции теряет всякий смысл, так как не решает сегодняшнюю проблему отсутствия внешнего контроля со стороны ЕСПЧ за действиями и актами ЕС. При таких условиях присоединения никакого эффективного внешнего контроля и не будет. Очевидно, что предлагаемое Судом ЕС разделение участников Конвенции на две группы с разными правами не только разрушительно для европейской системы защиты прав человека, но и крайне унижительно для ЕСПЧ и для России. В этой ситуации для России вряд ли будет оправданным настаивать на том, что присоединение ЕС к Конвенции должно состояться любой ценой и тем самым своими руками подрывать принцип равенства государств-участников Конвенции.

В Заключении диссертационной работы сформулированы основные выводы и подведены итоги исследования.

Основные положения диссертации изложены в 36 публикациях автора, в том числе в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации:

А) Монографии и главы в коллективных монографиях:

1. Исполинов А.С. Суды региональных интеграционных объединений в системе международного правосудия (на примере Суда ЕС и Суда ЕАЭС). М., Юстицинформ, 2018. 311 с.

2. Исполинов А.С. Статут Суда ЕАЭС как отражение колебаний государств-членов в отношении международных судов // Механизмы решения споров в региональных интеграционных группировках. — Международные отношения. Москва, 2018. — С. 227–250.

3. Исполинов А.С. Практика Суда Евразийского Экономического Сообщества // Институты международного правосудия. — Международные отношения. Москва, 2014. — С. 268–288.

Б) Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации:

1. Исполинов А.С. Эволюция и пути развития современного международного правосудия // Lex Russica (Русский закон). 2017. № 10 С. 58–87.

2. Исполинов А.С. Что скрывается за броским термином «интеграционное правосудие»? // Право. Журнал высшей школы экономики. 2017. № 3. С. 105–120.

3. Исполинов А.С. Приоритет, прямое действие и прямой эффект норм права Евразийского Экономического Союза // Журнал международного права и международных отношений. Минск. 2017. № 1-2. С. 11–21.

4. Исполинов А. С. Конституционный Суд Российской Федерации, ЮКОС и практика Европейского Суда по правам человека в отношении справедливой компенсации // Журнал конституционного правосудия. 2017. № 4. С. 23–28

5. Исполинов А. С. Прецедент в международном праве (на примере Международного суда ООН, ЕСПЧ, ВТО и Суда ЕАЭС) // Законодательство. 2017. № 1. С. 78–87

6. Исполинов А. С. Исполнение решений международных судов: теория и практика // Международное правосудие. 2017. № 1. С. 45–67.

7. Исполинов А. С. Контроль национальных и региональных судов над решениями Совета Безопасности ООН // Законодательство. 2016. № 1. С. 54–65.

8. Исполинов А. С. Некоторые доктринальные итоги взаимодействия России с Европейским судом по правам человека // Государство и право. 2017. № 6. — С. 26–34.

9. Исполинов А. С. Первое решение Суда ЕАЭС: ревизия наследства и испытание искушением // Российский юридический журнал. 2016. № 4. С. 85–93.
10. Исполинов А. С., Кадышева О. В. Практика применения досудебного порядка рассмотрения споров в судах евразийской интеграции // Закон. 2016. № 10. С. 120–126.
11. Исполинов А. С. Прецедент в практике Суда Европейского Союза // Международное правосудие. 2016. № 3. С. 64–77.
12. Исполинов А. С. Судебный активизм и судебное нормотворчество Суда Европейского Союза // Международное правосудие. 2016. № 1. С. 81–94.
13. Исполинов А. С. Статут Суда ЕАЭС как отражение опасений и сомнений государств-членов Евразийского экономического союза // Право. Журнал высшей школы экономики. — 2016. — № 4. — С. 152–166.
14. Исполинов А. С. Евразийское правосудие: от Суда Сообщества к Суду Союза // Государство и право. 2015. № 1. С. 80–88.
15. Исполинов А.С. Приоритет права Европейского Союза и национальная (конституционная) идентичность в решениях Суда ЕС и конституционных судов государств – членов ЕС // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 4 (119). С. 47-68.
16. Исполинов А. С. Суд Европейского Союза против присоединения ЕС к Европейской конвенции по правам человека (причины и следствия) // Международное правосудие. 2015. № 1. С. 118–134.
17. Исполинов А. С. Контроль Международного суда ООН над решениями Совета Безопасности // Законодательство. 2015. № 12. С. 48–62.
18. Исполинов А. С. Нормы *jus cogens* в решениях международных и национальных судов // Российский юридический журнал. 2014. № 6. С. 7–14.
19. Исполинов А. С. Навязанный монолог: первое преюдициальное заключение Суда ЕврАзЭС // Евразийский юридический журнал. 2013. № 8. С. 21–30.

20. Исполинов А. С. Суд Европейского Союза, Яссин Кади и статья 103 Устава ООН // Российский юридический журнал. 2013. № 6. С. 27–35.
21. Ispolinov A. S. First judgments of the court of the Eurasian economic community: Reviewing private rights in a new regional agreement // Legal Issues of Economic Integration. 2013. Vol. 40. No. 3. P. 225–246.
22. Исполинов А. С. Решение Большой Коллегии Суда ЕврАзЭС по делу Южного Кузбасса: насколько обоснован судейский активизм? // Евразийский юридический журнал. 2013. № 5. С. 19–26.
23. Исполинов А. С. Первые решения Суда ЕврАзЭС: теоретические и практические вопросы юрисдикции // Российское правосудие. 2013. № 6. С. 89–101.
24. Исполинов А. С. Практика ЕСПЧ в отношении Европейского Союза: некоторые уроки для ЕврАзЭС // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2012. № 3. С. 108–117.
25. Исполинов А. С. Присоединение Европейского Союза к Европейской Конвенции по правам человека: настоятельная необходимость или попытка совместить несовместимое? // Российское правосудие. 2012. № 9. С. 21–36.
26. Исполинов А.С. Контроль национальных и региональных судов над решениями Совета Безопасности ООН // Законодательство. 2016. № 1. С. 54–65.
27. Исполинов А. С. Роль последующих соглашений (subsequent agreements) государств в праве международных договоров // Законодательство. 2016. № 10. С. 79–87.
28. Исполинов А. С. Роль последующей практики государств в праве международных договоров // Законодательство. 2016. № 9. С. 79–87.
29. Исполинов А. С. Требуется прагматики: Конституционный Суд России и евразийский правопорядок // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 5. С. 14–20.
30. Исполинов А. С. Хартия основных прав ЕС: опыт первых трех лет применения // Евразийский юридический журнал. 2012. № 12. С. 61–68.

31. Исполинов А. С. Санкции Совета Безопасности ООН, Суды ЕС и права человека // Евразийский юридический журнал. 2011. № 6. С. 31–41.
32. Исполинов А. С. Доктрина косвенного эффекта (согласованной интерпретации) в праве ЕС // Евразийский юридический журнал. 2010. № 10. С. 26–36.
33. Исполинов А.С. Особые мнения в международных судах: доктрина и практика // Журнал «Право» ГУ-ВШЭ. 2018 г. № 1. С. 218-233.